

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СУДЕБНОМ НАДЗОРЕ

На Украине Верховный судебный контроль был учрежден как орган судебного надзора декретом СНК от 17 апреля 1919 г. «Об учреждении IX отдела Народного Комиссариата юстиции — Верховного судебного контроля» [9, № 37, ст. 443]. Декрет дополнил положение СНК от 27 февраля 1919 г. «О Народном Комиссариате юстиции» [9, № 18, ст. 195], определявшее задачи Наркомюста, его организационную структуру и компетенцию.

Для понимания места и роли отдела Верховного судебного контроля в системе органов судебного управления и судебных инстанций необходимо хотя бы вкратце проанализировать по крайней мере четыре нормативных акта. Это: 1) Положение СНК «О Народном Комиссариате юстиции» от 27 февраля 1919 г. [9, № 18, ст. 195]; 2) декрет СНК «Об учреждении IX отдела Народного Комиссариата юстиции — Верховного судебного контроля» от 17 апреля 1919 г. [9, № 37, ст. 443]; Положение СНК «О юридических отделах губернских, уездных и городских исполкомов» от 22 февраля 1919 г. [9, № 15, ст. 164]; 4) циркуляр НКЮ от 8 марта 1919 г. «О правах и обязанностях юридических отделов» [9, № 23, ст. 252].

Положение о Народном Комиссариате юстиции определяло задачи и организационную структуру Наркомюста. Задачами его являлись: а) организация и общее направление деятельности судебных учреждений; б) разработка и проведение в жизнь норм гражданского и уголовного права; в) ближайшее содействие правовому оформлению советского строя в различных областях жизни. Для выполнения этих задач в его составе были учреждены семь отделов: организационно-инструкторский, законодательных предположений и кодификации, публикации законов, справочно-юрисконсультский, судебносудебный, тюремно-карательный и административный. Несколько позже был организован «ликвидационный отдел» — по отделению церкви от государства и школы от церкви. 16 и 17 апреля 1919 г. были опубликованы постановления СНК об учреждении в составе НКЮ IX и X отделов — соответственно Верховного судебного контроля и Верховного кассационного суда.

Задачами Верховного судебного контроля являлись «осуществление и централизация постоянного общего и текущего надзора за деятельностью всех судебных мест УССР, в частности, за правомерностью выносимых ими приговоров, решений, определений». Для их осуществления отделу предостав-

лялось право: «а) производить периодические и чрезвычайные ревизии делопроизводства и всей деятельности судебных учреждений УССР; б) требовать от всех судебных учреждений предоставления тех или иных сведений по усмотрению Контрольно-судебного отдела относительно производящихся в этих учреждениях дел; в) давать всем без исключения судебным учреждениям УССР руководящие разъяснения и указания, относящиеся к толкованию и применению действующих на Украине норм права, а также регулирующие применение судебными учреждениями принципов, изложенных в ст. ст. 21, 49 «Временного положения о народных судах и революционных трибуналах (СУ № 11, ст. 141)»; г) предавать суду виновных в неисполнении действующих правил, обязательных для судебных мест, а в частности, — в неподчинении разъяснениям, означенным в сем пункте под лит. «в». Разъяснения и указания Верховного судебного контроля безусловно обязательны для судебных учреждений УССР; разъяснениями этими, однако, не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам*»; «эти состоявшиеся уже постановления судебных учреждений могут быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном «Временным положением о народных судах и революционных трибуналах» [9, № 11, ст. 141].

Вскоре после принятия декрета о Верховном судебном контроле, в апреле 1919 г., в Одессе выступил с публичной лекцией «Красное право и красный суд» первый Нарком юстиции Украины А. И. Хмельницкий. Касаясь интересующего нас вопроса, он сказал: «...В области подбора судей нужно быть особенно осторожным. При наличии развитого и более или менее развернутого советского законодательства было бы не особенно страшно поручить судьям из специалистов выполнение судебных функций. Но как раз теперь не следует особенно выдвигать на судейские должности специалистов потому, что они могут, работая добросовестно, оказаться не на высоте, потому что они могут быть совершенно неприспособлены к осуществлению коммунистического права. Дело в том, что мы не закрываем глаза на слабые стороны организации судебного института. Мы знаем, что при слабом развитии в рабочих массах коммунистического самосознания судейская работа будет особенно трудна, особенно тяжела и тут необходим *особенно тщательный контроль* (курсив мой. — Д. П.). Этот Верховный судебный контроль организуется при Народном Комиссариате юстиции для того, чтобы следить за правильностью применения всеми местными судами Советской республики тех или

* В ч. 2 ст. 6 Декрета о суде № 2 эта же мысль была сформулирована несколько иначе: «Объединяющие принципиальные решения Верховного судебного контроля кассационными инстанциями принимаются *впредь* к руководству» (курсив мой. — Д. П.).

других правовых норм. ...На местах задания этого института осуществляются при помощи юридических отделов, которым надлежит следить за решениями и постановлениями, выносимыми местными судебными учреждениями» [5, с. 15]. Здесь полностью освещены причины учреждения Верховного судебного контроля и широкой сети его местных органов.

Впервые в законодательном порядке Верховный судебный контроль был учрежден Декретом о суде № 2. Однако, как и Декрет в целом, он так и не был введен на практике. В связи с этим сама идея этого института осталась непонятой даже некоторыми крупными специалистами в области советского судоустройственного и судопроизводственного права. Так, проф. М. А. Чельцов-Бебутов писал: «Декретом о суде № 2 была создана система общих судов, действующих наряду с народными судами, но не связанных с ними, для рассмотрения дел, превышающих компетенцию народных судов: окружные народные суды — первая инстанция, областные народные суды — кассационная инстанция и (фактически не организованный) «сверхкассационный» центр — Верховный судебный контроль — «в целях достижения единообразия кассационной практики» [7, с. 5]. Взятое автором в кавычки слово «сверхкассационный» свидетельствует о том, что он не понял, какая огромная роль отводилась этому органу судебного надзора.

Из высказываний А. И. Хмельницкого видно, что организация Верховного судебного контроля была вызвана необходимостью проведения в жизнь в приговорах и решениях нового суда, во всей его деятельности политики Коммунистической партии, направленной на преобразование общества на новых коммунистических началах. Деятельность советского суда по применению советского права да и само право, должны были стать одним из важных орудий такого преобразования. Заканчивая свою лекцию, А. И. Хмельницкий подчеркнул: «...Если современному красному праву удастся сыграть... роль хорошего технического оружия и облегчить пролетариату его борьбу в преодолении буржуазии, то несомненно роль красного права будет исполнена» [5, с. 17]. Немаловажное значение придавалось при этом организации и деятельности Верховного судебного контроля.

Народный Комиссариат юстиции осуществлял все дело судебного управления, в том числе и функцию судебного надзора, через отраслевые отделы центрального аппарата и местные юридические отделы по соответствующим подотделам. Местные юридические отделы были учреждены упоминавшимся выше постановлением СНК от 22 февраля 1919 г. «О юридических отделах губернских, уездных и городских исполкомов» [9, № 15, ст. 164], в соответствии с которым юридические отделы создавались при губернских и уездных исполнительных комитетах

и городских советах. Во главе отдела стояла коллегия в составе заведующего и двух членов, назначаемых соответствующими исполкомами или Советами. Структурными подразделениями юридических отделов, в соответствии с организационной структурой самого Наркомюста, являлись подотделы судебный, юрисконсультский, тюремно-карательный, нотариальный и др.* во главе с заведующими подотделами, ответственными перед коллегией юридического отдела. В круг обязанностей юридических отделов входили, в частности, ликвидация прежних судебных установлений, организация новых судов и состоявших при них органов дознания, предварительного следствия, обвинения и защиты, а также *надзор* за их деятельностью.

Вопрос о порядке и методах надзора юридических отделов за деятельностью судебных органов Положение от 22 февраля 1919 г. оставляло открытым. Для правового регулирования этого вопроса большое значение имел циркуляр НКЮ от 8 марта 1919 г. Он был опубликован несколько раз в разное время, в различных официальных изданиях и под разными названиями. Проверить время его принятия и первоначальное наименование по архивным источникам пока не представилось возможным. Однако библиография этого нормативного акта заслуживает краткого описания. Впервые циркуляр был опубликован в «Известиях» [13, № 63] от 8 марта 1919 г. При ссылках на него в литературе приводится именно эта дата, а не дата его принятия, поскольку в тот период было не принято указывать в публикуемых нормативных актах дату их принятия компетентными органами. Он был назван: «Юридическим отделам всех губисполкомов о правах надзора губернских юридических отделов за судебными местами и об участии во всех делах в качестве стороны». Под этим же названием он был включен и в другое официальное издание — сборник «Материалы Народного Комиссариата юстиции» [10, с. 10—11]. Циркуляр был подписан Наркомом юстиции А. И. Хмельницким и заведующим отделом судоустройства Е. Ширвиндтом. Впоследствии он был помещен в изданном после освобождения Украины от денкинской оккупации сборнике под названием «О наблюдении юридических отделов губисполкомов за закономерностью приговоров и решений подведомственных им судебных установлений» [11, с. 9—10]. Наконец, в «Собрание Узаконений УССР» (СУ УССР) он был включен под наиболее лаконичным и выразительным названием — «О правах и обязанностях юридических отделов» [9, № 23, ст. 252], — которым мы и пользуемся в данной работе.

Юридический отдел губисполкома являлся стороной во всех разрешавшихся судебными установлениями губернии де-

* Постановлением НКЮ от 15 апреля 1919 г. при юридических отделах исполкомов были образованы контрольно-следственные и административные (общие) подотделы [9; № 36; ст. 432].

дах, как гражданских, так и уголовных. Поэтому он должен был иметь сведения обо всех вынесенных судебными установлениями губернии приговорах и решениях, следить за использованием сроков на их кассационное обжалование и восполнять все замеченные пробелы в судейской деятельности, устранять отклонения от советского законодательства и социалистического правосознания как во время процесса, так и после вынесения приговоров и решений. Для выполнения этих задач он вправе был делегировать своих представителей в качестве обвинителей и защитников, обжаловать приговоры и решения в кассационном порядке и требовать их пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В кассационном порядке приговоры и решения могли быть обжалованы не только по формальным основаниям, т. е. ввиду нарушения форм судопроизводства, но и ввиду их явной несправедливости*. Все эти права губернские юридические отделы должны были использовать для предотвращения вынесения приговоров и определений, противоречащих требованиям революционной законности и социалистического правосознания, или для их отмены в кассационном порядке, когда предотвратит нарушения законности в суде первой инстанции не удалось.

Особый интерес представляет заключительный абзац циркуляра от 8 марта 1919 г.: «В случае завершения производства по делу**, юридический отдел, усматривая в судебном решении или приговоре отступление от декретов советской власти, духа советского законодательства или принципов социалистического правосознания, входит с соответствующим *представлением* в Народный Комиссариат юстиции» (курсив мой.—Д. П.). Здесь ничего не говорится о целях этого представления. А содержащаяся в Положении о Верховном судебном контроле от 17 апреля 1919 г. [9, № 37, ст. 443] норма о том, что разъяснениями и указаниями Верхсудконтроля «...не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам», послужила для многих ученых поводом утверждать, что Верховный судебный контроль УССР не пользовался правом отмены вступивших в законную силу приговоров.

В действительности не были наделены этим правом губернские отделы юстиции и поднадзорные им судебные органы.

* Объясняя отказ советского законодательства от апелляции, А. И. Хмельницкий сказал: «Если нелепо рассматривать дело новым судом от начала до конца; то нельзя забывать того; что иногда суд второй инстанции может отменить решение первой инстанции; как несправедливое. Такую несправедливость решения или приговора можно констатировать и установить путем известного логического вывода из фактических обстоятельств дела. Поэтому мы считали достаточным включение корректива: «явно несправедливое решение или приговор» [5; с. 16].

** Под завершением производства по делу здесь следует понимать не вынесения судом первой инстанции решения, приговора, определения, а их вступление в законную силу.

Именно поэтому они и обязаны были войти с представлением в Народный Комиссариат юстиции, а не принимать необходимые меры своей властью. Отмеченный неправильный вывод обосновывается еще и ссылкой на то, что согласно декрету от 17 апреля 1919 г. «...эти состоявшиеся уже постановления судебных учреждений могут быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном Временным положением о народных судах и революционных трибуналах». Толкуя данную норму как довод в пользу упоминавшегося вывода, его сторонники упускают из виду ее редакцию: *состоявшиеся уже постановления судебных учреждений, а не вступившие уже в законную силу постановления судебных учреждений*, действительно могли быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном Временным положением. Забывают при этом и то, что сроки для обжалования решений и приговоров народных судов, а впоследствии и приговоров революционных трибуналов, были продолжительными: в народных судах — один месяц, в революционных трибуналах — две недели. Не менее продолжительными были и сроки возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В течение этих сроков губернским отделам юстиции и надлежало добиваться отмены или изменения противоречащих закону приговоров, решений и определений посредством их кассационного обжалования или путем возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Войти же с представлением в Наркомюст губернский отдел юстиции мог лишь в случае *завершения производства по делу*, т. е. после вступления приговора в законную силу (курсив мой. — Д. П.). Но так как рассматриваемый циркуляр был посвящен правам и обязанностям местных юридических отделов, то он, естественно, не разъяснял ни порядка прохождения представлений губюротделов в Наркомате юстиции, ни существа решений, которые вправе был принять по ним Наркомюст.

Первоначальная редакция «Временного положения о народных судах и революционных трибуналах» от 14 февраля 1919 г. [9, № 11, ст. 141] предусматривала основания и порядок кассационного пересмотра решений, приговоров и определений лишь народного суда. Гражданские и уголовные дела, подсудные народному суду, могли быть пересмотрены и в порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Приговоры же революционных трибуналов не подлежали обжалованию и пересмотру в кассационном порядке и порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Их пересмотр был допущен декретами СНК от 16 апреля 1919 г. «О порядке пересмотра приговоров революционных трибуналов» [9, № 36, ст. 437] и «Об учреждении X отдела Наркомюста — Верховного кассационного суда» [9, № 37, ст.

444]. Об отмене или изменении приговоров, вступивших в законную силу, Временное положение ничего не говорило.

Анализ рассмотренных нормативных актов послужил основанием М. А. Чельцову для вывода о том, что «Верховный судебный контроль не имел, как РСФСР, права отменять вступившие в законную силу приговоры. Его разьяснения были обязательны для всех судебных учреждений УССР, но ими «не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам» [8, с. 151]. Аналогичное толкование декрета от 17 апреля 1919 г. дали И. А. Гельфанд [1, с. 138] и Д. С. Сусло [4, с. 21]. П. Т. Землянский сформулировал аналогичный вывод несколько осторожнее. Отметив ряд прав Верховного судебного контроля по надзору за всеми судебными установлениями республики и подчеркнув их значение, автор далее пишет: «Но вместе с тем, заботясь об авторитете судебного приговора, декрет устанавливал, что разьяснениями Верховного судебного контроля «не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам», которые могут быть отменены только в установленном процессуальном порядке, то есть в результате кассационного пересмотра либо в результате помилования осужденных» [2, с. 39].

Разьяснения Верховного судебного контроля действительно не отменяли состоявшихся до их издания приговоров. По своей юридической природе эти разьяснения не являлись актами применения норм права к конкретным правоотношениям. Они представляли собой акты толкования и разьяснения норм права, обязательные для всех судов республики, т. е. руководящие разьяснения. Но ведь и руководящими разьяснениями Пленума Верховного суда УССР и Пленума Верховного суда СССР после их учреждения и передачи им судебно-надзорных полномочий не колебалась и не колеблется сила, придерживаясь терминологии того времени, уже состоявшихся решений, приговоров и определений. Издание руководящих разьяснений по толкованию и применению действующего законодательства — это особая функция судебно-надзорных инстанций. Она была присуща, между прочим, еще Правительствующему Сенату дореволюционной России*.

В цитированной выше лекции А. И. Хмельницкий также отмечал эту функцию Верхсудконтроля, подчеркивая, что, помимо того, что он «...ведет контроль над деятельностью судей, их личным составом и делопроизводством, этот отдел имеет

* В первую годовщину декрета о суде № 1 П. И. Стучка писал: «Развенчана Фемида. Низложена и объявлена вне пролетарского закона эта продажная богиня буржуазного правосудия. Из ее рук пролетариатом вырван жестокий меч, и ее фальшивые весы сданы в музей революции. А на костре горят ее законы и сенатские разьяснения (курсив мой. — Д. П.). Таково было краткое содержание коротенького декрета о суде» [3, с. 711].

еще право вынесения объединяющих всю судебную практику кассационных разъяснений» [5, с. 16]. Пересмотр же и отмена в порядке надзора вступивших в законную силу судебных решений — это иная по своей юридической природе функция высших судебных органов: судебно-надзорных инстанций. Смешение этих функций недопустимо. Установив в вынесенном и вступившем в законную силу решении, приговоре, определении отступление от: а) декретов Советской власти; б) духа советского законодательства; в) принципов социалистического правосознания, — губернский отдел юстиции обязан был войти с представлением в НКЮ, в составе которого еще не было отдела Верховного судебного контроля. Какое из организационно-структурных подразделений НКЮ должно было рассматривать эти представления, в циркуляре не говорится. Скорее всего, это судебно-следственный отдел по подотделу судебного контроля. Лишь после учреждения Верховного судебного контроля эти представления стали одним из предметов его ведения.

Наконец, в циркуляре НКЮ № 37 от 10 ноября 1920 г. говорилось: «Право представления для отмены в порядке надзора (курсив мой. — Д. П.) приговоров и решений судебных мест принадлежит исключительно губотюстам и может быть осуществлено в тех случаях, когда губотюсты сами, по серьезным основаниям, признают такую отмену необходимой» [12, с. 59—60]. Так как отмена вступившего в законную силу приговора или решения является актом исключительным, она может быть допущена лишь в случае крайней необходимости и по вполне серьезным основаниям, подчеркивалось в циркуляре. Здесь несколько иначе, чем в циркуляре от 8 марта 1919 г., были сформулированы основания к отмене приговоров в порядке надзора. Основания этими являлись: а) нарушение или неприменение такого относящегося к данному делу декрета или решения Советской власти, которое должно было существенно изменить основные выводы судебного приговора или решения; б) противоречие приговора или решения основным принципам социалистического правосознания; в) постановление приговора или решения, заключающего в себе отказ в правосудии.

Право отмены в порядке судебного надзора вступивших в законную силу решений, приговоров и определений принадлежало органу судебного управления — Народному Комиссариату юстиции — как один из элементов осуществлявшейся им функции судебного надзора до введения в действие основных актов судебной реформы 1922 г., в том числе Положения о судоустройстве и УПК, которые отнесли это право к ведению Верховного суда республики.

Список литературы: 1. Гельфанд И. А. Организация и процессуальные формы деятельности революционных трибуналов на Украине. — Учен. зап. Укр. ин-та юрид. наук, 1940, с. 130—155. 2. Землянский П. Т. Уголовно-процессуальное законодательство в первые годы Советской власти. — Ки-

ев, 1972.—306 с. 3. Стучка П. И. Годовщина декрета о суде. — В кн.: Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. — Рига: Латв. гос. изд-во, 1964,—748 с. 4. Суло Д. С. Історія суду Радянської України (1917—1967). — К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1968.—187 с. 5. Хмельницький А. И. Красное право и красный суд (публичная лекция). — Одесса: Всеукр. изд-во, 1921.—20 с. 6. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс, вып. 1. — Харьков: Юриздат НКЮ УССР, 1928.—230 с. 7. Чельцов-Бебутов М. А. Очерк истории советского уголовного процесса. — М., 1948.—40 с. 8. Чельцов М. А. Уголовный процесс. — М.: Юриздат, 1948.—624 с. 9. СУ УССР, 1919. 10. Материалы Народного Комиссариата юстиции УССР (декреты, постановления, циркуляры, инструкции). — Киев, 1919, вып. 1. 11. Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров по НКЮ УССР. — Одесса, 1920, вып. 1. 12. Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров НКЮ УССР с 1 января 1920 г. по 15 апреля 1921 г. — Харьков, 1921, вып. 2. 13. Известия Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и Харьковского Совета рабочих депутатов, 1919.

Поступила в редколлегію 25.05.81.

Я. С. САПОШИНСКИЙ

Харьков

ДОКУМЕНТЫ И ПРОТОКОЛЫ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНО-ТОВАРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Изучение уголовных дел показывает, что установление обстоятельств, подлежащих выяснению, по делу нередко возможно путем использования сведений о потребительных свойствах товаров или об обстоятельствах, которые влияют на их формирование, хранение и пр., содержащихся в протоколах следственных действий. Производство судебно-товароведческой экспертизы в указанной форме может стать необходимым, когда сведения протоколов являются единственным источником доказательств, а также когда их можно почерпнуть из нескольких источников: вещественных доказательств, соответствующих документов, отражающих сведения о товарах, и протоколов следственных и судебных действий.

Содержащиеся в протоколах сведения могут исследоваться судебно-товароведческой экспертизой по делам о хищении государственного и общественного имущества, о некоторых хозяйственных и должностных преступлениях. По делам о хищениях по данным, взятым из документов и протоколов, эксперты-товароведы могут установить цену товаров и этим оказать следователю и суду помощь в определении точного размера похищенного, от чего зависит квалификация преступления и мера наказания подсудимому. Исследование сведений из документов и протоколов может иметь значение для доказывания обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности лиц или их невиновность, при возобновлении дела по